

Фэн Юаньси прежде полагал, что этот господин Сяо – послушный ручной олененок.

Он красив, чист и изыскан, да так, что порой кажется совсем хрупким.

Он умеет играть на цине, воскуряет сосновые благовония и может ласково улыбнуться какому-то никому не нужному старому евнуху.

Хотя в общении с князем Лянем он всегда казался скованным, за чтением книг он чувствовал себя свободнее, чем кто-либо другой. Ведя лекции, он вовсе не заботился о том, слушают ли его студенты, и стоило ему произнести всего пару фраз, как он целиком и полностью погружался в трактаты.

Сидя на Драконьем троне и глядя, как Сяо Чжочин читает, Фэн Юаньси не раз ловил себя на одной и той же мысли.

Даже если гордый олень несется сломя голову, порой он случайно забредает в водоворот борьбы за власть и славу, беззаботно пробираясь сквозь сверкающие мечи и тени клинков.

Разве вина оленя в том, что его по неосторожности используют свирепые волки?

Но теперь, когда чиновники испуганно дрожали, потупив взор, Сяо Чжочин выпрямился, ни на кого не обращая внимания.

Его брови и глаза были сосредоточенными и холодными, а в уголках губ застыла амбициозная усмешка. Когда он поднял взгляд, его невозмутимые глаза оставались спокойными и отрешенными, а вспыхнувший в них острый блеск тут же угас – и Фэн Юаньси увидел в них собственное отражение.

Он вовсе не был кротким и безобидным травоядным животным.

Тук-тук. Тук-тук.

В тот самый момент Фэн Юаньси услышал отчетливый стук собственного сердца.

Сяо Чжочин осмотрительно шел в полушаге позади Фэн Юаньси, боковым зрачком разглядывая спину правителя.

Заметил ли Фэн Юаньси только что что-нибудь?

Сяо Чжочин еще не до конца понимал истинное положение дел Фэн Юаньси, но по крайней мере знал, что рассудок того ясен, и он вовсе не безумен, как болтают за стенами дворца.

Вот только те, кто держится слишком обособленно и независимо, не оставляют после себя никаких зацепок, и потому их куда труднее постичь, чем искушенных старых лисов.

К счастью, вскоре у Сяо Чжочина уже не оставалось времени об этом размышлять.

...Фэн Юаньси шел просто невероятно быстро.

Бегать чиновникам в запретных покоях дворца – тягчайшее нарушение этикета, поэтому Сяо Чжочину оставалось лишь ускорить шаг, изо всех сил стараясь не отставать от Фэн Юаньси.

Его дыхание немного сбилось, но спина Фэн Юаньси отдалялась всё сильнее. Взгляд Сяо Чжочина невольно опустился ниже: они ведь оба шли пешком, неужели у Фэн Юаньси ноги от природы длиннее, чем у обычных людей?

Полы одежд покачивались, шаги Фэн Юаньси были необычайно ровными. Сяо Чжочин так и не смог разгадать эту загадку, зато в этот самый миг его озарило.

Даже если Фэн Юаньси насквозь видел все его замыслы и расчеты, разве это имело хоть какое-то значение?

Если бы Фэн Юаньси завоевал великую власть лишь благодаря слепой удаче и сумел противостоять Ван Юаню, Сяо Чжочину оставалось бы уповать лишь на милость судьбы и Небесного Пути, выжидая день, когда те обратят на него свой взор.

Но если на самом деле Фэн Юаньси лишь терпел унижения и выжидал удобного момента, затаясь подобно герою, что пробует желчь...

Разве не означало это, что он встретил истинного государя и у него появился реальный шанс бросить вызов predetermined судьбе?

Сердце Сяо Чжочина бешено колотилось в груди.

Его совершенно не волновало, решит ли такой государь в будущем истребить верных слуг, когда исчезнут враждебные птицы, или спрятать за ненадобностью отслуживший лук. Человеческая жизнь и без того коротка, как вспышка молнии; сгинуть из-за чужих политических расчетов и императорских интриг куда приятнее и легче, чем закончить дни жертвой подлых наговоров Ван Юаня и остаться в памяти лишь жалкой пешкой массовки.

Погруженный в собственные мысли, Сяо Чжочин шагал, уткнувшись в землю, и совершенно не заметил, что Фэн Юаньси остановился.

Тот обернулся на Сяо Чжочина, и едва успел развернуться, как Сяо Чжочин со всего маху врезался прямо в него.

– ...Ах.

От удара Сяо Чжочин отшатнулся на полшага назад, поправил съехавшую черную шапку узагуань, а когда поднял голову, перед глазами всё еще плыло.

Непроизвольные слезы застыли в уголках глаз, а сбившееся от погони дыхание никак не могло выровняться.

Все его тщательные расчеты от внезапного столкновения превратились в кашу в голове; еще не успев прийти в себя и придерживая рукой лоб, он ошеломленно хлопал глазами, вот так в упор глядя на Фэн Юаньси.

Фэн Юаньси пристально смотрел на него, а спустя мгновение тихо фыркнул.

Ну и мастер же он притворяться.

Притворяется пушистой лисичкой, дерзнувшей среди самого двора плести интриги и замыслить управу на князя Ляня, а в этот момент принимает такой умильный вид – и кому он тут глазки строит?

Сяо Чжочин: «...?»

Собравшись с мыслями, он сообразил, что император, похоже, над ним насмехается.

– Этот подданный...

– Идем, – Фэн Юаньси уже повернулся к нему спиной.

– ...Слушаюсь.

Сяо Чжочин покорно опустил голову и последовал за ним. На этот раз шаги Фэн Юаньси стали намного медленнее.

Для Ван Юаня этот день казался концом света.

В тот день, заполучив деньги, он жестоко проучил всю семейку своего биологического отца, твердо решив съехать куда-нибудь на волю, снять большой дом и больше не выносить занудство этой нищенской семейки.

В итоге, заглянув в башню Обитель Весны, он не только не сберег монеты, но и отдал целых пятьсот лянов в обмен на красавицу.

Цюй Жояо отличалась натурой хрупкой и нежной; хоть смотреть на нее было одно удовольствие, она оказалась слабой и болезненной девицей, которая не могла ни тяжесть

поднять, ни палец о палец ударить. Едва завидев узел с пожитками, что несла Юнь Цзэр, она так испугалась, что закашлялась, а на глазах выступили две дорожки прозрачных слез.

– Мо... молодой господин, отдайте это мне, я всё умею делать...

Глядя на ее болезненный вид, казалось, будто ее хрупкая душа вот-вот упокоится на небесах, Юнь Цзэр вытаращила глаза и спросила Ван Юаня:

– Брат Юань, что здесь происходит?

У Ван Юаня от ее слов разболелась голова:

– Не твоего ума дело. Ладно, пошли домой.

Вот так, сбежав из дома всего на полдня, Ван Юань с виноватым видом вернулся обратно, да вдобавок притащил с собой еще одну женщину.

Когда он явился на порог, семейные скандалы даже не думали утихать.

– Если бы не твои блудные похождения на стороне, неужели нам пришлось бы выкармливать этого ублюдка?! Сколько ему уже лет? Давно пора отправить его на поиски заработка – пусть таскает тяжелые мешки или идет в чернорабочие, но чтобы ноги его больше не было в нашем доме!

Госпожа Ван как раз вовсю распекала пасынка, но, обернувшись, увидела сникшего Ван Юаня, за спиной которого жались две женщины.

– Какое горе на мою голову!

В тот вечер в доме Ван царил кромешный кошмар. В конце концов, лишь когда Ван Юань вытащил пачку серебряных банкнот на сто лянов и швырнул их на стол, эту бурю удалось кое-как унять.

Госпожа Ван за деньги была готова на всё. В итоге все семеро душ теснились в крошечных трех комнатах дома Ван.

Однако мирная жизнь продлилась всего каких-то два дня.

В тот день князь вернулся с утреннего доклада с мрачным, словно туча, лицом, не произнося ни слова. Он созвал княгиню и всех управляющих во внутренний двор, битый час отчитывал их, после чего в резиденции князя спешно начался поварный обыск.

Сотня лянов серебра, доставшаяся семье Ван, еще толком не успела остыть за пазухой, как управляющий тут же конфисковал ее. Госпожа Ван даже не успела заплакать, как стражники вытащили из комнаты Ван Юаня еще триста лянов серебряными билетами.

Ван Юаня и Ван Цяньжуя выволокли перед очи княгини и заставили опуститься на колени. Княгиня, неторопливо попивая чай, холодно осведомилась:

- Откуда деньги?

Ван Юань задрал подбородок:

- Сам заработал!

Княгиня ледяной усмешкой ответила:

- О как, неужто у тебя такие таланты?

Управляющий подступил ближе и доложил вполголоса, что все приходно-расходные книги, которые вел Ван Цяньжуй, были тщательно проверены: максимум, чем тот промышлял - присваивал по тридцать-пятьдесят мелких монет, и на столь крупные суммы, чтобы выгрести из казны княжеского двора столько денег, его бы просто не хватило.

Притянуть Ван Юаня к суду по серьезному обвинению пока не получалось.

Княгиня перевела взгляд на Ван Юаня и медленно опустила чашку.

- Раз уж у тебя такой дар к деньгам, ступай и зарабатывай дальше, - произнесла она.

- Чего?

- За семь дней добудь мне еще тысячу лянов серебра. А если не сможешь заработать - бирай

манатки со всеми своими девицами и проваливай из княжеской резиденции.

Тысячу лянов?! Да проще пойти грабить на большой дороге!

Ван Юань вытаращил глаза и уже собирался высказать всё, что думает, но тут сквозь шелковые занавеси промелькнул изящный силуэт; шлейф платья скользнул по полу, звеня подвесками из жемчуга и нефрита.

Повеяло легким ароматом благовоний, и от открывшегося зрелища у Ван Юаня глаза полезли на лоб.

Княгиня, бросив взгляд на молодого человека, сразу заметила выражение лица заправского сладострастника на его физиономии. Ее брови тотчас сошлись на переносице, и она приказала:

– Раз получил приказ, чего стоишь? Убирайся!

Тысяча лянов серебра – разве это так просто? Она лишь искала повод, чтобы вышвырнуть этого наглого пройдоху из резиденции.

Ван Цяньжуй поспешно дернул сына за рукав и увлек за собой.

Вот ведь старая карга, чего раскричалась-то!

Бормоча себе под нос проклятия от досады, Ван Юань не заметил, как стоило им покинуть внутренний двор, юная дева за занавесью откинула нефритовые бусы и в сопровождении служанок вышла наружу.

– Матушка, зачем вы его прогнали? – яркая девушка заговорила капризным, избалованным тоном, а в ее взгляде читалась привычка к роскоши и вседозволенности.

– Зачем держать в доме этакого пройдоху? Пусть катится на все четыре стороны! – удивилась княгиня. – Если бы не годы верной службы Ван Цяньжуя твоему отцу, и если бы твой батюшка не страшился славы человека, притесняющего старых преданных слуг, они бы всей семьей уже давно вылетели из резиденции! К чему эти лишние хлопоты?

Девушка чуть склонила голову набок, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Ван Юаня.

Этот человек ничем не примечателен внешне, а в его манерах и речах проскальзывает что-то скользкое, но почему-то чем дольше она смотрела, тем сильнее ей казалось, что в нем есть какая-то развязная удаль и совершенно особенное очарование?

Совсем не похож на тех скучных сыновей знатных семейств.

– Вот как? – она качнула головой, и в ее глазах вспыхнул неподдельный интерес. – А мне почему-то кажется, что он ужасно забавный.

После того памятного доноса чиновника Суня, ставшего прецедентом, в последующие дни Сяо Чжоцин, пользуясь служебным положением, повсюду вел тайные расследования, и больше никто не осмеливался вставлять ему палки в колеса или распускать языки.

Пылящихся старых дел накопилось немало, да и новые доносы сыпались один за другим. Лян Куо поначалу опасался его, но вскоре заскучал, и всё больше кип с делами постепенно оседало на столе у Сяо Чжочина.

Он методично разбирал архивы, время от времени отправляясь с проверками наружу: никто толком не знал, какие именно расследования он ведет, но это уже никого не волновало.

Розыски продвигались успешно, и Сяо Чжоцин получал немало ценных сведений.

Зато Сяо Лин страшно переживала.

– Я тут слышала от Фусюэ, что ты уже много дней не бываешь дома к обеду? – в тот день, едва ушел Чжаое, она нарочно заглянула к Сяо Чжоцину.

Сяо Чжоцин ответил:

– В ведомстве есть чем перекусить, матушка-сестрица, вам не о чем беспокоиться.

Сяо Лин метнула на него сердитый взгляд.

- Пытаешься меня обмануть? Фусюэ всё выложил: в ведомстве никакой еды нет, а ты в эти дни питаешься когда придется и совсем себя изнуряешь!

Опять болтает лишнее.

Сяо Чжоцин перевел взгляд на Фусюэ, а тот лишь потупился, изображая тихоню.

- Чего ты на него злишься? - произнесла Сяо Лин. - Я давно хотела тебя спросить: с какой стати ты так убиваешься и горбатишься? На кого ты работаешь?

Она помрачнела лицом.

- Чэ'эр, если всё это ради князя Ляня, то поверь, оно того совершенно не стоит.

Сяо Чжоцин встретился взглядом с ее обеспокоенными глазами, выдержал паузу и негромко промолвил:

- Я делаю это не ради кого-то. Просто хочу добиться справедливости. Скажи, сестрица, ты веришь мне?

Брат и сестра молча смотрели друг на друга, пока Сяо Лин не вздохнула и не опустила глаза.

- Раз ты всё решил, я понимаю. Только глядя, как ты суетишься с утра до ночи, не видишься с друзьями и не ходишь на литературные собрания, я всё время чувствую, будто ты стал совсем другим человеком, и боюсь, что на душе у тебя тяжело.

Белая кошка Сяотуань тоже подошла ближе и потерлась о его ногу, Сяо Чжоцин наклонился и поднял ее на руки; прижавшись к нему, кошка принялась усердно мурлыкать.

- Но есть-то всё равно нужно. Раз в императорском дворце тебя не оставляют к трапезе, я велела Иньсин передать распоряжения на кухню. Отныне каждое утро слугам велено класть в твой книжный кофр немного сластей. На службе в ведомстве не забывай подкрепляться, запомнил?

Сяотуань принялась усиленно тереться о его шею, и Сяо Чжочин отвлекся, а потому, автоматически кивнув на наставления старшей сестры, тут же выбросил их из головы.

Лишь на следующий день, когда он уселся в зале Изогнутой Террасы и только-только поставил на стол свой книжный кофр, Дунцзюнь со шуршанием опустился прямо перед ним.

Огромный золотой орел важно уселся на его рабочем столе, свысока уставившись на него, и громадная тень птицы целиком накрыла Сяо Чжочина.

Встретившись взглядом с парой золотистых хищных глаз, Сяо Чжочин на миг замер и спросил:

– ...У тебя ко мне дело?

Дунцзюнь склонил голову набок, с минуту разглядывая его, а не дождавшись никаких действий, без лишних церемоний сам сунул клюв в книжный кофр и решительно зарылся в него головой.

<http://bllate.org/book/18810/1865686>